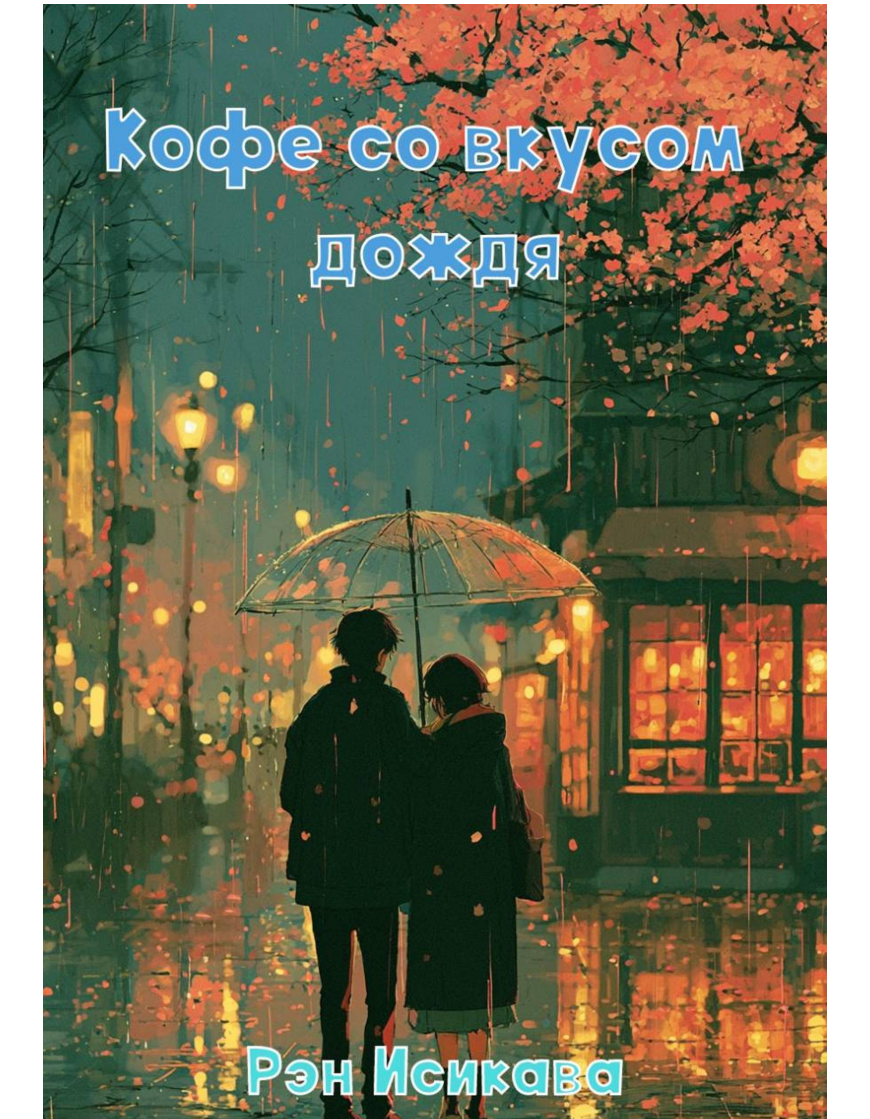

A romantic illustration of a couple walking away from the viewer in the rain. They are holding a large, clear umbrella. The scene is set on a wet street at night, with warm, glowing lights from street lamps and a building in the background. The air is filled with falling rain and petals from a large cherry blossom tree that frames the top of the image. The overall mood is cozy and intimate.

Кофе со вкусом ДОЖДЯ

Рэн Исикава

Рэн Исикава

Кофе со вкусом дождя

<https://litres.ru/74619177>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кофе со вкусом дождя

Полтора года назад признание в любви казалось Юи и Терио самым страшным, что могло случиться в их жизни. Оказалось — это было только начало.

Теперь они студенты университета Токай. Живут в одной квартире у кампуса, работают в той самой кофейне, где всё началось, и научились прятать своё счастье так ловко, что даже родители не задают лишних вопросов. Кажется, самое трудное уже позади.

Но жизнь, которую они так бережно выстроили вдвоём, скоро окажется под угрозой не изнутри, а снаружи.

Расстояние умеет проверять чувства на прочность так, как не может ни одна тайна. А дождь, который идёт по обе стороны океана в одно и то же время, — не всегда повод для грусти.

Второй том истории Юи и Терио. О том, что быть рядом — не значит быть вместе. И о том, что настоящая близость иногда начинается там, где заканчивается расстояние.

Содержание

Глава 1. Полтора года спустя	4
Глава 2. Телефоны в ящик	18
Глава 3. Последние лепестки	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Рэн Исикава

Кофе со вкусом дождя

Глава 1. Полтора года спустя

Будильник зазвонил в семь пятнадцать, и я, не открывая глаз, протянула руку и оборвала его раньше, чем он успел разбудить Теруо. Привычка, выработанная за полтора года: он вставал в семь тридцать, я — на пятнадцать минут раньше, чтобы успеть в душ первой.

У каждого из нас было по своей комнате, и в каждой стояла односпальная кровать. Так было задумано с самого переезда: две спальни, в каждой своя мебель — на случай, если кто-то заглянет без предупреждения. Первые три недели мы даже честно пытались этим планом пользоваться. Расходились после ужина по своим комнатам, желали друг другу спокойной ночи в коридоре, как воспитанные сводные брат и сестра, и закрывали двери.

Из этого ничего не вышло. Не по плану и не по уговору — просто само получилось. Сначала это были короткие «зайду на пять минут поговорить», которые растягивались на час. Потом я стала засыпать у него на плече раньше, чем успевала вернуться к себе, и он не будил меня, просто накрывал одеялом и оставался рядом до утра. К концу третьей недели

притворство рухнуло окончательно: одна узкая кровать, на которой мы кое-как умещались вдвоём, оказалась удобнее двух нормальных по разные стороны коридора. А разговоры перед сном стали тем, без чего ни один из нас уже не мог уснуть.

Неудобство, впрочем, никуда не делось — спать месяц в обнимку на кровати, рассчитанной на одного человека, оказалось так себе испытанием для спины. Решение Теруо нашёл в мае: надувная приставная секция, которая крепится ремнями и липучками вдоль длинной стороны кровати — той, что обращена к свободной части комнаты, — и у изголовья делает небольшой изгиб под прямым углом. Если смотреть сверху, получается что-то вроде буквы «Г». Не самая элегантная геометрия, зато односпальная кровать превращалась в почти полноценный кинг-сайз, а при необходимости секция быстро сдувалась. «Я нашёл такие для гостевых комнат, — сказал он тогда, демонстрируя мне страницу с товаром. — Крепится за десять минут, снимается за пять. Дороговато, но зато разбирается быстрее, чем мы успеем придумать, почему у меня в комнате вдруг кровать как в отеле».

С тех пор моя комната существовала скорее номинально — там стоял письменный стол, куда я и правда иногда сбегала заниматься в тишине, и кровать, на которой давно никто не спал.

Выключив будильник, я не встала сразу. Эти десять минут до начала дня принадлежали только мне, и я их берег-

ла. Иногда я позволяла себе думать, что мы — просто двое людей в одной постели. Без липучек, без чехла на верхней полке шкафа, без секундомера в голове. Теруо во сне всегда поворачивался ко мне и утыкался лбом в плечо, будто даже сквозь сон проверял, что я на месте, и от этого простого движения внутри становилось тепло и немного больно одновременно.

Эта мысль продержалась ровно до тех пор, пока телефон на тумбочке не зазвонил снова — теперь уже не будильник, а настоящий звонок. Тэмико.

— Юи, дорогая, доброе утро! — голос у неё был бодрый, слишком бодрый для такого раннего часа. — Мы с твоим отцом тут неподалёку, у него деловой завтрак закончился раньше. Заедем минут через двадцать, повидаемся, а то вы совсем от нас отвыкли! Не помешаем вам?

— Через двадцать? — я села так резко, что Теруо, до этого мирно сопевший рядом, тут же открыл глаза. — Нет-нет, всё отлично, ждём!

Я нажала «отбой» и посмотрела на него взглядом, который он за полтора года выучил без перевода.

— Родители, — констатировал он, уже вставая. — Двадцать минут.

Он не стал тратить время на эмоции — сразу присел у изголовья, где под приставной секцией прятался клапан, подцепил к нему ручной насос и открыл спуск. Секция начала медленно оседать, теряя форму буквы «Г» и превращаясь в

плоский резиновый лист.

Мы работали слаженно, как хирургическая бригада. Пока воздух выходил, я стаскивала с нашей общей середины одеяло, которое за ночь всегда путалось между нами, и уносила его вместе со своей подушкой к себе в комнату — набросить на собственную, давно не мятую кровать, чтобы та выглядела так, будто в ней действительно кто-то спал накануне. В такие моменты мне казалось, что я стираю нас — аккуратно, без следа, как стирают карандашный набросок. Руки делали это сами, быстро и точно, а где-то под рёбрами тихо и упрямо ныло. Теруо тем временем сворачивал сдувшуюся секцию в тугой рулон и запихивал в чехол на верхней полке шкафа, за стопку зимних вещей, куда без особой цели никто не полезет.

Освободившаяся от приставки кровать тут же вернулась к своим законным размерам — узкая, аккуратная, как у любого нормального двадцатилетнего парня, который живёт один в своей комнате.

— Три минуты сорок, — сказал он, глянув на часы. — Личный рекорд.

— Не хвастайся, — я на бегу взбивала подушку у себя в комнате и слегка сминала одеяло — ровно настолько, насколько его мнёт человек, который в этой кровати действительно спал. — У нас ещё стол не убран.

Когда в дверь позвонили, квартира выглядела безупречно — две спальни, в каждой явные следы отдельной жизни, и

ни одной подушки не на своём месте.

— Дети! — Тэмико влетела в прихожую с пакетами гостинцев, за ней — папа, чуть более сдержанный, но такой же довольный. — Как вы тут? Ох, как чисто!

— Это Юи у нас порядок любит, — Тэруо кивнул на меня с абсолютно честным лицом.

— Не ври, — фыркнула я, забирая у Тэмико пакеты. — Это ты вчера полы мыл.

Тэмико прошлась по гостиной, заглянула по очереди в обе спальни, одобрительно кивнула. Задержалась взглядом на моей узкой кровати — на секунду дольше, чем требовалось.

Я затаила дыхание. Ручки пакетов впились в пальцы, и я не сразу поняла, что сжимаю их слишком сильно.

Она ничего не сказала. Только слегка улыбнулась — той самой улыбкой, которую я слишком хорошо узнала за полтора года, — и отвернулась к папе, который уже деловито распаковывал контейнеры с едой.

— Хидео, доставай палочки, я привезла карри, —скомандовала она, и момент прошёл.

Иногда мне казалось, что она знает. Иногда — что я просто очень хочу, чтобы она знала, и принимаю собственное желание за её взгляд. Спросить напрямую означало бы потерять оба варианта, и я не спрашивала.

Папа, в отличие от неё, видел ровно то, что ему показывали: чистую квартиру и двоих счастливых детей. Он расстав-

лял контейнеры на столе с таким довольным лицом, что вина кольнула быстро и точно, как зубная боль, — и так же быстро отступила, оставив после себя только привычную тупую тяжесть.

Я выдохнула. Теруо поймал мой взгляд через комнату и едва заметно повёл бровью — тоже заметил. Проходя мимо с тарелками, он на секунду коснулся моего запястья тыльной стороной пальцев. Быстро, мимоходом, жестом, который для любого наблюдателя ничего не значил. Но кожа ещё долго его помнила.

Мне двадцать, думала я, доставая из шкафа третью чашку, а самое важное в моей жизни до сих пор приходится прятать в чехле на верхней полке. Когда-нибудь этот спектакль придётся заканчивать. Я откладывала эту мысль так же привычно, как откладывают разговор, к которому ещё не готовы, — не сегодня, не при карри и не при папином довольном лице.

Завтрак получился шумным — так всегда бывает, когда в доме Тэмико. Она не позволила мне даже достать тарелки («сядь, ты с утра на ногах») и хозяйничала на нашей маленькой кухне так уверенно, будто жила здесь все полтора года, а не появлялась раз в месяц. Папа устроился напротив Теруо и принялся разливать чай с видом человека, у которого наконец выдалось свободное утро и который не собирается тратить его на молчание.

— Ну, рассказывайте, — сказал он, когда карри разошлось по тарелкам. — Как учёба? Теруо, твой бизнес-клуб

всё ещё строит кофейную империю?

— Строит, — Терио потянулся за рисом. — Только теперь империя начинается с презентации на двенадцать слайдов, а не с мечты.

— Разумный порядок, — одобрил папа. — Сначала презентация, потом аренда. Я в твоём возрасте делал наоборот и потом долго расплачивался.

— Хидео, — мягко сказала Тэмико. — Дай им поесть.

— Я и даю. Я интересуюсь. — Он повернулся ко мне. — А тебя куратор не загоняла? В прошлый раз по телефону ты так зевала, что я за тебя испугался.

— Не загоняла. Даже хвалит, — я постаралась улыбнуться естественно, а не так, как улыбаются на экзамене. — Просила набросать план факультетских активностей на следующий семестр.

— Вот видишь, — папа довольно кивнул Тэмико, будто лично отвечал за мои успехи. — Упорство у неё от меня.

Всё шло так спокойно, что я успела расслабиться. Это была ошибка.

— Юи, — папа отложил палочки и замолчал, подбирая слова. Он всегда замолкал так, когда собирался сказать что-то, к чему не знал, как подступиться. — Только не воспринимай это как расспросы. Мне на днях Сугихара рассказывал, коллега, ты его не знаешь. У него дочь в прошлом месяце вышла замуж. Парень солидный, из хорошей семьи. — Он помолчал. — А потом он полвечера жаловался мне, что

она на свадьбе ни разу не улыбнулась по-настоящему. Вышла, потому что «так разумно».

Теруо положил палочки на подставку. Аккуратно, очень аккуратно — движение вышло слишком выверенным для человека, которому всё равно.

— Я подумал о тебе, — продолжил папа тише. — Я ведь ни разу не слышал от тебя ни про одного парня. И мне стало... беспокойно. Не потому что ты обязана кого-то приводить. Просто я хочу, чтобы у тебя было по любви. Как у нас с Тэмико. Как когда-то у нас с твоей мамой. Всё остальное не стоит того.

Тэмико не вздрогнула и не отвела взгляд — только чуть крепче сжала его пальцы. Она никогда не вздрагивала, когда он говорил о маме, и за это я была ей благодарна больше, чем умела сказать.

А мне стало жарко. Жар поднялся от шеи к щекам медленной волной, которую невозможно остановить усилием воли, и рис во рту превратился в бумагу. Самое страшное было в том, что у меня есть именно то, о чём он говорит. Именно по любви. И именно этого я не могу ему показать.

— Нам с Тэмико достаточно просто знать, что у тебя всё хорошо, — закончил он. — Если кто-то появится, скажешь, когда захочешь. Мы не торопим.

— Я знаю, пап, — сказала я. Это было единственное, что я могла сказать честно.

— Хидео, — Тэмико накрыла его руку ладонью. — Она

знает.

Она сказала это легко, глядя в свою тарелку. Потом подняла на меня глаза — на один вдох, не дольше — и снова опустила.

— А ты, Теруо? — папа повернулся к нему, и голос сразу стал другим — громче, проще, без этой осторожности. С парнем ему всегда было легче. — Ты у нас видный, в кафе небось девчонки толпой ходят. Неужели никого? Давай, не стесняйся, мы свои.

— Мне пока не до этого, — ровно ответил Теруо.

— Не до этого в двадцать лет? — папа хмыкнул. — Ладно. Но не затягивай, а то так и проживёшь с одними презентациями.

— Хидео, — снова сказала Тэмико. — Ты его допрашиваешь.

Под столом его колено на секунду прижалось к моему — коротко, как извинение — и тут же отодвинулось. Он врал так спокойно, что мне стало одновременно благодарно и стыдно: за него, за себя, за то, что мы оба так хорошо этому научились.

Собирались родители так же шумно, как приехали. В прихожей Тэмико вручила Теруо пакет, в котором глухо звякнуло стекло.

— Это вам, — сказала она. — Вам теперь обоим можно. Только в меру и только дома.

Теруо заглянул внутрь и поднял брови: бутылка хорошего

сакэ с золотой этикеткой.

— Мам, это же дорого.

— Это подарок. Хидео выбирал.

— Три магазина обошёл, — гордо подтвердил папа, натягивая пальто.

Потом Тэмико обняла меня — дольше, чем обычно. Её волосы пахли знакомыми духами и чуть-чуть карри.

— Ты опять похудела, — сказала она тихо, почти мне в плечо, так, чтобы мужчины не слышали. — И спишь, наверное, по пять часов. Хоть иногда отпускай себя, хорошо? Обо всём остальном можно подумать потом.

«Обо всём остальном» повисло в воздухе между нами и осталось там.

— Я в порядке, — сказала я.

Она отстранилась, погладила меня по щеке и улыбнулась. По этой улыбке я поняла, что в качестве ответа моё «в порядке» не принято, но и спорить она не станет.

Дверь закрылась. Мы с Тэруо ещё несколько секунд стояли в прихожей и смотрели на неё, как на экран, на котором закончилось кино. Шаги по открытой галерее затихли, где-то в конце коридора глухо открылся лифт, и стало тихо.

— «Мне пока не до этого», — повторила я.

— Что? — он обернулся.

— Ты сказал это папе с таким лицом, будто это правда.

— А ты хотела, чтобы я сообщил, что очень даже до этого и что у меня как раз есть до чего? — Он усмехнулся одним

уголком рта, но глаза остались серьёзными. — Я видел, как ты за столом перестала дышать. Мне не тяжело говорить это при них. Тяжело потом смотреть, как ты себя за это съедаешь.

— Я не съедаю.

Он не стал спорить. Просто молча смотрел на меня, пока я не сдалась.

— Ладно. Немного.

Он кивнул, словно получил ответ, на который и рассчитывал. Мне от этого не стало легче, но стало чуть менее одиноко.

Телефон на тумбочке в спальне зажуужал. Я пошла за ним, бросив взгляд на верхнюю полку шкафа, где в чехле дремала секция. Вечером её придётся достать снова. Пока что — нет.

Чико: «ЮИИИ. До нашей с Кэнттой годовщины ещё два месяца, но я уже в панике. Три года, Юи! Спасай, а то я опять предложу аквапарк, а он до сих пор травмирован той горкой»

Я: «А что не так с горкой? Классика жанра»

Чико: «Предательница. Ладно, серьёзно, есть идеи?»

Я: «Дай подумать до вечера. У нас сегодня родители нагрянули без предупреждения»

Чико: «СЕКЦИЯ СРАБОТАЛА???»

Я: «Три минуты сорок. Личный рекорд Теруо»

Чико: «Вы как спецназ. Целую, жду идеи»

Не успела я отложить телефон, как он зажужжал снова — на этот раз общий чат.

Рюта: «Народ, кто в субботу свободен? У нас отбор закончился, хочу отметить»

Мидзуки: «Я за, если закончу с курсовой пораньше»

Чико: «Мы с Кэнттой тоже! И Юи с Теруо тащите, а то за учёбой вас совсем не видно»

Теруо: «Посмотрим по графику в кафе, скорее всего сможем»

Я подняла глаза. Он стоял в дверях спальни и печатал тот же ответ, который я только что прочитала.

— Мы стали скучными, — сказала я. — «Посмотрим по графику».

— Мы не скучные, — он убрал телефон. — Мы взрослые. Это разные вещи.

— Ты сейчас как папа звучишь.

— Не смешно, — сказал он, но уголок рта снова дёрнулся.

К вечеру дождь, начавшийся ещё в обед, разошёлся всерьёз. Первый настоящий дождь этой осени: с утра было сухо, а к шести улица за окном нашей кофейни — третьей точки мистера Кагавы, в трёх минутах ходьбы от кампуса — превратилась в тёмное блестящее зеркало, в котором плыли чужие зонты. Капли стекали по стеклу ленивыми дорожками, а огни вывесок расплывались жёлтыми пятнами. Внутри пахло молотым кофе, корицей и мокрой одеждой — тем особым запахом дождливого вечера, когда все заходят погреться «на

десять минут» и остаются на час.

Поток гостей схлынул. С весны, когда мистер Кагава назначил меня управляющей этим филиалом («всё равно половину решений ты принимаешь сама, пусть хотя бы в договоре это будет записано»), я так и не научилась смотреть на зал из кабинета. Последний час я, как обычно, носила чашки вместе с официантами, потом закрыла в кабинете недельные заказы и подписала график смен. Наконец у меня появился перерыв. Я устроилась за дальним столиком у окна с планшетом — куратор просила прислать наброски к концу недели — и пыталась составить список из восьми активностей так, чтобы он не выглядел как список из пяти, растянутый до восьми.

Телефон завибрировал.

Теруо: «Ты третий раз за вечер хмуришься на планшет. Либо план хороший, либо ты голодная»

Я подняла голову. Он стоял за стойкой в пяти метрах от меня и делал вид, что очень занят протиранием кофемашины.

Я: «Плана пока нет. Есть восемь строчек, и все они похожи друг на друга»

Теруо: «Сейчас принесу кофе. Помогает и с тем, и с другим»

Через минуту он поставил передо мной чашку — латте с черничным сиропом, тот самый, — и сел напротив, вытянув ноги так, что его ботинок упёрся в мой. Мы давно перестали

обсуждать эти мелкие вольности. Просто принимали их, как принимают погоду.

— Что там у тебя? — он кивнул на планшет.

— Куратор попросила набросать активности для факультета на следующий семестр. Говорит, если получится хорошо, дальше, возможно, подвернётся что-то международное. Обмен или стажировка, она не уточнила.

— Международное, — повторил Теруо. — Это серьёзно.

— Это любезность. — Я пожала плечами и отпила латте.

— Она такое говорит всем, кто сдаёт работы вовремя. Я особо не думала.

Он кивнул и больше не спросил. Я видела, как его взгляд на секунду задержался на мне, но он вообще не из тех, кто давит. Он оставляет вопрос на столе, как чашку: хочешь — возьмишь.

Слова куратора я убрала в ту часть памяти, где лежат любезности, ни к чему не обязывающие. Потом я не раз вспоминала этот вечер до мелочей: чашку с черникой, ботинок Теруо под столом, дождь по стеклу, который казался просто дождём.

Глава 2. Телефоны в ящик

В пятницу профессор Мацуда принимала студентов в кабинете на четвёртом этаже, где вместо стен были книжные полки, а вместо окна стеклянная дверь на узкий балкон, заставленный горшками с суккулентами. Говорили, что она убивает всё живое, кроме них. Я пришла на пять минут раньше назначенного, по привычке, которую Теруо называл «приступом ответственности», и всё равно застала её за столом: красная ручка в руке, мой план перед глазами.

— Садись, Окумура, — сказала она, не поднимая головы.
— Я как раз дошла до пятого пункта.

Пятым пунктом была «Ночь портфолио» — вечер, когда третьекурсники приносят свои работы, а старшие курсы и преподаватели разбирают их по косточкам. Я придумала её ночью на кухне, вспоминая, как сама собирала портфолио перед поступлением: одна, без единого человека, который сказал бы, что в нём не так.

— И кто, по-твоему, придёт?

— Третий курс, в первую очередь. У них к весне горят сроки подачи на стажировки.

Я заставила себя говорить ровно, а не быстро.

— Если позвать старшекурсников рецензентами, бюджет не нужен. Нужны аудитория и кофе.

— Кофе у тебя, надо полагать, найдётся.

— Найдётся.

Мацуда наконец подняла глаза. Взгляд у неё был внимательный и немного усталый, как у человека, который за двадцать лет видел слишком много хороших планов, умерших где-то на шестом пункте.

— Мне нравится, что ты считаешь не только идеи, но и то, кто их потянет. Большинство приносит мне мечты в таблице. Я покажу план на кафедре. Возможно, сократим до шести пунктов, но «Ночь портфолио» оставим.

Внутри что-то распрямилось, быстро и горячо, как пружина, которую наконец отпустили. Я кивнула и надеялась, что лицо осталось деловым.

— И ещё, — она отложила ручку. — Ты пишешь мне письма в три ночи. Это видно по метке времени.

Я промолчала. Возразить было нечем.

— Ты где-то работаешь?

— Управляю кофейней у кампуса. — Я пожала плечами. — Фактически я там почти всё время, когда не на парах. Проекты и этот план я тоже писала в кабинете между смежами.

— Почти всё время, — повторила Мацуда без выражения. — Плюс учёба. Плюс, судя по плану, ты придумываешь, чем занять весь факультет.

— Мне нравится.

— Я не спрашиваю, нравится ли. Я спрашиваю, знаешь ли ты, где у тебя предел. — Уголок её губ дрогнул. — Привычка

не аргумент, Окумура. Ты можешь делать это хорошо и без бессонных ночей. Иди. И пусть следующее письмо придёт мне днём.

В коридоре я прислонилась лбом к прохладной стене. Предел. Я не знала, где он. Иногда мне казалось, что я нарочно никогда его не искала. В пустом часе, оставшемся без дела, слишком легко услышать то, чего слышать не хочется: голос в темноте, который, возможно, я когда-то придумала сама.

Телефон завибрировал в кармане.

Теруо: «Ну как? Профессор Мацуда тебя не съела?»

Я: «Мацуда оставила план у себя. Сказала, что покажет на кафедре»

Теруо: «Это у неё высшая похвала. Если бы не понравилась, сказала бы интересно»

Я: «Откуда ты знаешь?»

Теруо: «Ты с весны пересказываешь мне её реплики с интонациями. Я могу вести её семинар»

Я прыснула на весь коридор и зажала рот ладонью, поймав на себе взгляд проходившего мимо аспиранта.

Я: «Ты сегодня в клубе?»

Теруо: «Да. Хаяси хочет прогнать птиц. Буду поздно, ужинай без меня»

Токио. Университет Токай, студенческий центр

Комната бизнес-клуба занимала угол на втором этаже и пахла растворимым кофе, который кто-то разводил в бумаж-

ных стаканах каждый вечер уже много лет. На стене висела доска со стрелками, у окна стояли два дивана с продавленными подушками, а посреди комнаты длинный стол, заваленный распечатками. На одном из диванов, вытянув ноги, сидел Кэнта — прошлогодний председатель клуба, а теперь его неофициальный куратор. Он приехал прямо со встречи по будущей работе, и галстук у него был ослаблен.

Теруо стоял у экрана с пультом в руке. На стене за его спиной светился девятый слайд из двенадцати.

— Здесь, — Хаяси, председатель клуба, четверокурсник с вечно закатанными рукавами, ткнул пальцем в график. — Откуда эти цифры?

— Из кофейни, где я работаю, той, что у кампуса. — Теруо вернулся на слайд назад и открыл таблицу. — В сессию выручка там выше на треть, чем в обычные недели. Люди приходят не за кофе, а за местом, где можно просидеть шесть часов, и никто не выгонит.

— Это одна точка, — сказала Огава, ведущая финансовое направление клуба. Она сидела на подлокотнике дивана с ноутбуком на коленях и не отрывала глаз от экрана. — Одна точка не модель.

— Тогда вторая. — Теруо открыл другой файл. — С разрешения мистера Кагавы я взял цифры по точке у станции. Другая публика, другой поток. Но пик у обеих приходится на одни и те же недели.

Огава подняла голову. Несколько секунд она молча смот-

рела на график.

— Вот это добавь в презентацию. Это лучше, чем весь третий слайд.

— Я думал, третий слайд лучший.

— Ты думал неправильно.

Теруо кивнул и записал что-то в блокнот. Хаяси хмыкнул в кулак.

Прогнали презентацию дважды. На втором прогоне Теруо ни разу не заглянул в конспект. Когда он закончил, в комнате стало тихо, и только кофемашина в углу, которой никто не пользовался, продолжала тихо потрескивать.

— Через неделю придут трое выпускников, — сказал Хаяси. — Один из них держит сеть пекарен. Он будет спрашивать про расходы на аренду. Ответь ему так, как ты ответил Огаве.

— Понял.

Остальные начали собираться. Огава захлопнула ноутбук, двое второкурсников утащили стаканы в мусорку. Теруо стал складывать распечатки в стопку.

— Остайся на минуту, — сказал Хаяси.

Дверь за последним участником закрылась. Кэнта остался на диване, Хаяси сел на край стола.

— Весной нам нужен человек, который будет вести первокурсников. Не лекции читать, а следить, чтобы они не терялись. В прошлом году трое ушли после первого месяца, потому что никто не ответил им, куда идти и что делать. —

Он помолчал. — Я хочу, чтобы это был ты.

С дивана раздался голос Кэнты. Он молчал так долго, что Теруо успел забыть о нём.

— Я Хаяси сам это предложил, — сказал Кэнта. — Ты пришёл в этот клуб, потому что я тебя привёл. И я хочу, чтобы те, кто придёт следующими, дошли до конца.

Теруо потёр шею.

— Я не уверен, что подхожу. Я сам тут всего второй год.

— Поэтому и подходишь. Ты ещё помнишь, каково это — быть новеньким. Огава тоже так считает. И ты не из тех, кто начнёт красоваться перед первокурсниками. С ними это важнее харизмы.

— Это комплимент?

— Скорее наблюдение. — Хаяси усмехнулся. — Я не прошу ответа сейчас. Подумай до декабря.

— Я подумаю.

— Ты уже решил. Когда ты решаешь, начинаешь складывать бумаги ровнее.

Теруо посмотрел на стопку распечаток в своих руках. Она действительно была сложена идеально. Он положил её на стол.

— Хорошо, — сказал он. — Но если кто-нибудь из них всё-таки потеряется, отвечать будем вместе.

— Договорились.

Хаяси ушёл, Кэнта кивнул на прощание и вышел следом. Теруо остался один и ещё минуту переставлял стулья вокруг

стола, хотя двигать там было нечего. Потом телефон на столе засветился. Он взял его, прочитал и несколько секунд смотрел на экран, не двигаясь.

Юи: «Ты ещё долго? Мне греть ужин или ты уже поел?»

Он напечатал ответ, стёр половину и отправил то, что осталось.

Теруо: «Выхожу»

Выключил свет, закрыл дверь на ключ, который Хаяси оставил ему «на всякий случай».

Теруо пришёл в начале одиннадцатого. Дождь всё-таки вернулся к вечеру, и волосы у него были мокрые. Лицо я за полтора года научилась читать как погоду: он был доволен и из-за всех сил этому сопротивлялся.

Мы сели за наш кухонный стол — маленький, с царапиной посередине, — за которым никому не нужно было быть кем-то другим. Я разогрела курицу терияки с рисом, приготовленную накануне, и он принялся есть так, будто весь день не слышал ничего, кроме собственного голоса.

— Ну? — спросила я. — Как прогон?

— Огава сказала, что третий слайд никуда не годится.

— Это плохо?

— Это отлично. Значит, она его читала. — Он взял палочки и тут же положил их обратно. — А потом Хаяси оставил меня после и предложил весной вести первокурсников.

— Наставником?

— Громко сказано. Скорее что-то вроде сопровождающе-

го: чтобы первокурсники не терялись.

Он говорил так, будто сообщал, что нашёл в кармане старую квитанцию. Но палочки лежали на подставке идеально параллельно, и мне не нужно было слов.

— И что ты ответил?

— Что подумаю.

— Ты уже согласился.

— Хаяси сказал то же самое. Вы сговорились?

— Ты складываешь вещи ровнее, когда решаешь.

Теруо посмотрел на свои палочки и фыркнул.

— Это несправедливо. Меня читают как открытую книгу.

— Только двое.

Он усмехнулся и принялся за рис, но я видела, что слова ещё держат его. Я отложила палочки.

— Ты будешь хорошим наставником, — сказала я. — Ты терпелив, никогда не повышаешь голос и умеешь объяснять так, что человек не чувствует себя глупым. Ты научил Кэнту-бариста не бояться кофемашины. Это уже подвиг.

— Он до сих пор делает кривые сердечки.

— Но не боится.

Теруо поднял глаза. Он улыбнулся — той самой, редкой, одним уголком, но на этот раз она дошла до глаз.

— Спасибо, — сказал он тихо и совсем без сарказма.

Что-то в груди сжалось тёплым и почти болезненным комом. Я хотела рассказать ему про вопрос профессора, про предел, про письма в три ночи. Но слова ещё не сложились,

и я решила, что расскажу, когда сложатся.

Телефон на столе зажужжал.

Чико: «Придумала?? Годовщина!!»

*Я: «Итальянский ресторан у вокзала, где вы были в со-
чельник. Ваше первое свидание»*

Чико: «Юи»

Чико: «ЮИ»

*Чико: «Я хотела аквапарк, а ты вспомнила, с чего всё на-
чалось»*

Я: «Ты мне тогда рассказывала про пасту. Я записала»

Чико: «ЗАПИСАЛА???»

Я: «У меня на всё есть заметки»

*Чико: «Знаю. Люблю. Теруо рядом? Передай ему, что у
него лучшая девушка в Японии»*

Я повернула экран. Теруо прочитал, даже не наклоняясь.

— Скажи ей, что я в курсе.

— Он в курсе, — напечатала я.

Чико: «Вот и держитесь друг за друга»

Мы вымыли посуду вдвоём, как делали уже не первый год: он мыл, я вытирала. Секция к этому времени снова была на-
дута и пристёгнута к его кровати: без родителей на горизонте
нам не было смысла её трогать. Мы легли на нашу огромную
кровать, и Теруо заснул первым. Он, как всегда, повернулся
ко мне и уткнулся лбом в плечо.

Я лежала и слушала его дыхание. Профессор Мацуда
спросила, знаю ли я, где у меня предел. Я не знала. И по-

думала, что если он существует, то пусть будет подальше от этой комнаты.

К субботе дождь кончился, но Токио так и не просох: асфальт блестел под фонарями, а воздух пах мокрой листвой. Рюта выбрал идзакая в десяти минутах от станции — тесное, шумное, с бумажными фонарями над входом, и ещё с улицы тянуло дымом от углей: хозяин жарил якитори, не поднимая глаз от решётки. Нам достался длинный стол в углу с общей скамьёй вдоль стены.

Рассадка вышла сама собой. Чико втиснулась рядом с Кэнтон так плотно, что между ними не прошла бы и палочка. Рюта с Мидзуки устроились напротив, и его рука лежала на скамье за её спиной так, словно всегда там жила. А мы с Теруо сели рядом, плечом к плечу, и его ладонь легла поверх моей на столе — просто, не прячась. Рюта узнал о нас последним, летом после выпуска, и неделю ходил с видом человека, которого лично обманули, а потом махнул рукой и сказал, что «так и знал» — хотя не знал. За этим столом нам не нужно было ничего изображать. Это был единственный стол за пределами нашей квартиры, за которым мы могли просто сидеть рядом, и я каждый раз ловила себя на том, что не знаю, куда девать собственные руки.

— Ну! — Рюта поднял кружку так высоко, что пиво плеснуло ему на пальцы. — За отбор! За то, что меня взяли в основной состав и теперь я официально звезда!

— Официально ты ещё ничего не сыграл, — заметила

Мидзуки.

— Придираешься.

— Люблю тебя, поэтому придираюсь.

Он расцвёл так, будто ему вручили кубок, и поцеловал её в висок — просто, на глазах у всех, не оглядываясь. Я отвела взгляд на свой лимонный сауэр. Первый алкоголь, который я заказала сама, в нормальном месте и без оглядки на официанта, и он почему-то отдавал горечью сильнее, чем лимоном.

— Юи, — Чико перегнулась через Кэнтю и ткнула в мою сторону пальцем. — Ты сидишь как на собеседовании. Тут все свои, расслабься.

Я разжала пальцы. Они, оказывается, сжимали край скамьи так, что побелели суставы. Терио, не поворачивая головы, накрыл мою ладонь своей и продолжил слушать Кэнтю с таким видом, будто ничего не случилось.

— Она всегда так, — сказал он ровно. — Привычка.

— Какая привычка? — спросил Рюта.

— Ждать, что кто-нибудь войдёт, — ответила за меня

Мидзуки, и никто не засмеялся.

— А ваши так и не в курсе? — Рюта потянулся за очередной шпаккой и спросил это так буднично, будто речь шла о погоде. — Терио, твоя мама вроде нормальная.

— Не в курсе, — сказал Терио.

— Они на днях нагрянули без предупреждения, — добавила я. — Мы успели за три минуты сорок.

— Что успели?

— Сдуть секцию, — Чико сияла так, будто сама её изобрела. — У них надувная приставка к кровати, чтобы спать вместе. Когда приезжают родители, они её сдувают и прячут в шкаф!

— То есть вы купили надувную кровать, чтобы обманывать родителей, — медленно сказал Рюта. — Это гениально. И ужасно.

— Это называется логистика, — с достоинством произнёс Терио.

Кэнта хрюкнул в кружку, Мидзуки прикрыла лицо ладонью, а я поймала себя на том, что смеюсь вместе со всеми — легко, до слёз, как давно не смеялась. Среди людей, которые знали и не осуждали, даже самый нелепый кусочек нашей тайны превращался в анекдот. Так было легче. И всё-таки где-то на дне, под смехом, оставалось одно: этот анекдот нельзя рассказать тем, кому он нужнее всего.

— Кстати, — Мидзуки подперла щеку ладонью и посмотрела на Терио. — Ты за неделю ни слова не рассказал про клуб. Как там?

— Нормально, — Терио потёр шею. — Питч через неделю, двенадцать слайдов, и у каждого уже по пять правок. А ещё Хаяси предложил мне весной вести первокурсников. Что-то вроде наставника. Я пока думаю.

Кэнта, до этого молча жевавший якитори, только хмыкнул в кружку — как человек, которому нечего добавить к уже сказанному.

— Наставника? — Чико чуть не поперхнулась. — Ты же терпеть не можешь, когда на тебя смотрят!

— Поэтому и страшно, — честно ответил он.

— Это же здорово, — сказала Мидзуки. — Значит, доверяют.

— Или некому больше, — пробормотал Теруо.

Но я видела, как он выпрямился, когда Мидзуки это сказала, как чуть расправились плечи под рубашкой, и внутри у меня стало тепло — быстро и гордо, будто повысили меня. Всё это я уже сказала ему вчера на кухне, и повторять при всех не требовалось. Вместо слов я просто переплела свои пальцы с его на столе, на виду у всех. Раньше я бы десять раз оглянулась. Теперь оглядывалась только по привычке.

В какой-то момент Мидзуки наклонилась ко мне и тихо сказала:

— Пойдём освежимся?

В узком коридоре у туалетов было прохладно и пахло мылом после душевого зала. Мидзуки встала рядом со мной у зеркала и несколько секунд просто мыла руки, не торопясь начинать.

— Я не хочу лезть, — сказала она наконец. — Просто со стороны видно: за столом ты расслабляешься на полминуты, а потом снова проверяешь, не слишком ли близко сидишь. Даже при нас. Даже при Рюте, который теперь знает.

Я встретила её отражением взглядом. Мидзуки учится на психолога, и иногда это было заметно: она умела смотреть

так, что хотелось не оправдываться, а рассказывать.

— Привычка, — сказала я.

— Знаю. Теруо тоже умеет держать лицо, но у него оно выходит спокойным. А ты держишь своё двумя руками, как стакан, который боишься расплескать. — Она вытерла руки и мягко улыбнулась. — Я просто хотела сказать: при нас его можно поставить на стол.

— Спасибо. — Я вздохнула. — Просто если начать ослабляться в одном месте, потом трудно собрать лицо обратно в другом.

Мидзуки кивнула так, будто это было самое разумное, что она слышала за неделю.

— Тогда пусть будет хотя бы это место. Когда будешь готова.

Я вернулась за стол с ощущением, что мне разрешили вдохнуть, хотя я и не воспользовалась разрешением.

Разошлись около одиннадцати. Чико обняла меня на выходе так, что хрустнули рёбра, и шепнула в ухо:

— Идите уже, вам же в одну сторону. И хоть сегодня руки не отпускайте до самой двери. Я проверю.

Рюта махал нам с другой стороны улицы, Мидзуки тянула его за рукав к своей станции. Мы с Теруо шли молча квартал, потом ещё один. Улица была пустой и мокрой, фонари отражались в лужах двойными жёлтыми кругами. На третьем перекрёстке его пальцы снова нашли мои — без слов, как в темноте находят перила на знакомой лестнице.

— Хорошо посидели, — сказал он.

— Хорошо.

— Ты первые полчаса держалась за скамейку так, будто она сейчас уедет.

Я рассмеялась. Смех вышел слишком громким в пустой улице, и я прикусила губу, как будто кто-то мог его услышать.

— Из тебя выйдет хороший наставник, — сказала я.

— Ты просто хочешь, чтобы я в это поверил.

— Нет. Я знаю это независимо от того, веришь ты или нет. Тебе остаётся только догнать.

Он остановился под фонарём и посмотрел на меня долгим взглядом. Я поняла, что сказала что-то правильное, хотя не знала, что именно. Потом он сжал мою руку чуть крепче, и мы пошли дальше — под фонарями, через лужи, домой.

Мы держались за руки до самой двери, пока не пришлось доставать ключи.

В воскресенье мне пришлось выйти на смену. Никто не вызывал: просто в воскресенье у кофейни самый ровный поток, и именно в такие дни я успеваю сверить остатки, закрыть заказы на неделю и разобрать письма, которые за будни вырастают в гору. Теруо проводил меня до двери босиком, с зубной щёткой во рту, и сказал что-то неразборчивое, но по интонации — «возвращайся пораньше». Я кивнула так, будто пообещала.

Вернулась я не рано. К восьми на открытой галерее уже

горели лампы, а в нашей квартире пахло рисом и жареным имбирём. На кухонном столе стояли две тарелки, миска с салатом и бутылка с золотой этикеткой — та самая, которую Тэмико вручила нам в прихожей. Она неделю простояла в шкафчике над плитой: ни один из нас не находил достаточно хорошего повода её открыть.

— Повод есть, — сказал Теруо, поймав мой взгляд. — Прогон питча позади, неделя позади, и сегодня воскресенье. Это уже три.

— Три чего?

— Поводов. Не придирайся.

Он достал с верхней полки две крошечные чашки, которые достались нам вместе с квартирой и до сих пор стояли нетронутыми, и разлил сакэ с такой осторожностью, словно разливал не напиток, а что-то хрупкое. Оно оказалось мягче, чем я ждала: сначала почти ничего, потом тёплое, чуть сладковатое послевкусие, которое растекалось от груди к кончикам пальцев.

Мы поели молча, как едят после долгого дня, когда слова ещё не нужны. Я рассказывала про смену урывками: поставщик привёз новый сироп, курьер перепутал адрес, девочка из зала разбила три чашки подряд и расплакалась в подсобке. Теруо слушал, подперев щёку ладонью, и только один раз спросил, нашла ли я ей замену на вечер. Нашла. Замену я находила на всё.

Когда тарелки опустели, он сказал, не поднимая глаз от

чашки:

— В пятницу ты хотела мне что-то рассказать. Открыла рот и закрыла.

— Это было заметно?

— Мне — да.

Я покрутила чашку между пальцами. Слова, которые в пятницу не складывались, вдруг оказались совсем простыми.

— Профессор Мацуда спросила, знаю ли я, где у меня предел.

— И что ты ответила?

— Ничего. Она велела идти. — Я усмехнулась. — Это был не тот вопрос, на который отвечают сразу.

— А ты не знаешь?

— Не знаю. — Я поставила чашку на стол. — И, по-моему, мне не хочется выяснять. Я всю жизнь любила дни без пустых часов. Если час пустой, в него приходит то, о чём я думать не хочу. Поэтому я его занимаю.

Теруо долго молчал. Он не торопил меня ни взглядом, ни движением, только вертел в пальцах свою чашку, и от этого простого жеста мне стало легче говорить.

— Я знаю твой предел, — сказал он наконец.

— Правда?

— Примерно. Когда он близко, ты перестаёшь отвечать на сообщения и присылаешь мне вместо этого списки. Потом начинаешь выравнивать всё на кухне. А в прошлом ноябре

ты два часа переделывала один макет и говорила, что «почти закончила».

— Это не предел, это перфекционизм.

— Это он и есть. Просто с другой стороны.

Я невольно посмотрела на полку со специями над плитой. Они стояли по алфавиту.

— Я не прошу работать меньше, — продолжил он, и голос стал тише. — Знаю, что не станешь. Я прошу одну вещь. Воскресенье вечером, без ноутбуков и писем. Ужин, сакэ, что угодно. Телефоны в ящик.

— А если дедлайн?

— Тогда ты звонишь мне, и мы вместе решаем, горит он по-настоящему или просто красиво выглядит.

— Это шантаж.

— Это договор. — Он дёрнул уголком рта. — Попробуем месяц.

— Два, — сказала я и только потом поняла, что сама подняла ставку.

Он не стал ничего отвечать. Только посмотрел на меня так, что стало жарко щекам.

Мне хотелось возразить, но не нашлось чем. Папа всегда уважал мои решения, Чико восхищалась, мистер Кагава называл гением. Все они аплодировали тому, что я делаю. Теруо был первым, кто попросил не делать меньше, а просто побыть со мной в одном месте без дела. От этого в груди стало тепло и немного страшно, как перед прыжком в воду.

Мой телефон лёг в ящик под плитой первым, экраном вниз. Я ждала, что рука потянется за ним обратно. Но она всё же не вернулась — осталась лежать на столе, пустая и непривычно спокойная.

К концу недели у Терио прошёл полноценный питч. Он вернулся поздно и молча положил на кухонный стол визитку. На ней стояло название пекарни и номер телефона, а ниже было приписано ручкой: «Если откроешь своё — позвони». Он старательно делал вид, что это пустяк, и старательно не улыбался, и получалось у него так плохо, что я не выдержала и обняла его прямо в куртке, мокрой от дождя.

— Он спросил про аренду, — сказал Терио мне в плечо.
— Я ответил, как Огаве.

— И?

— И он попросил слайды. Для себя.

Ночь портфолио случилась в конце ноября, в аудитории на третьем этаже, где вместо парт расставили столы с работами. Мы ждали пятнадцать человек, пришло почти сорок. Профессор Мацуда ходила между рядами с красной ручкой за ухом и, проходя мимо моего стола, где стояла кофемашина, привезённая из кафе, вдруг остановилась.

— Шесть пунктов, как и обещала, — сказала она. — Но этот был лучшим.

Я повернулась к кофемашине, чтобы она не увидела моего лица.

В первое воскресенье декабря предел подошёл совсем

близко: годовой отчёт для мистера Кагавы, акции, которые нужно было свести в одну таблицу до понедельника. Телефон лежал в ящике, как мы договорились, и я даже гордилась этим — до тех пор, пока не достала ноутбук «только проверить цифры». Через двадцать минут я уже не слышала ни воды, ни звона посуды, ни того, что на кухне давно стало тихо.

Теруо ничего не сказал. Он вытер руки о полотенце, взял с подоконника свой телефон, и в ящике под плитой глухо и настойчиво завибрировал мой. По договору звонить должна была я. Пункта на случай, если я забуду, мы не оговаривали, и Теруо, похоже, решил, что он подразумевается.

Я встала, достала из ящика вибрирующий телефон и ответила, глядя на него через всю кухню.

— Горит? — спросил он в трубку, прислонившись к раковине.

— Красиво выглядит, — призналась я.

— Тогда до утра подождёт.

Я закрыла ноутбук и смеялась до слёз, хотя ничего смешного не было. Просто мне было так хорошо, и немного стыдно, и очень тепло, что всё это вместе выходило смехом.

В рождественский вечер кофейня была полна так, как бывает только раз в год: гирлянды, корица, очередь до самой двери. Я носилась между залом и кабинетом, а телефон за стойкой непрерывно вибрировал.

Чико: «ОН ПЛАКАЛ»

Кэнта: «У меня аллергия»

Мидзуки: «На что?»

Кэнта: «На слишком хороший вечер»

Рюта: «Скриншот сохранён»

Чико: «Юи, ты лучшая. Он заказал ту же пасту, что три года назад. Я думала, он не помнит»

Я: «Я же говорила, что у меня есть заметки»

— Ты улыбаешься телефону уже минуту, — сказал Теруо из-за стойки, не прерывая работы. — Зал ждёт.

— Я думала, ты не смотришь.

— Я всегда смотрю.

В конце января пошёл снег — не тот, что тает, не долетев до земли, а настоящий, густой, который к вечеру заглушил даже далёкий шум электричек. Мы сидели на нашей огромной кровати. Телефоны лежали в ящике на кухне, ноутбуки были закрыты, горела только маленькая лампа. Теруо читал вслух «The Coffee Dictionary» — ту самую книгу, которую мистер Кагава подарил ему на восемнадцатилетие, — вместе с пометками на полях, сделанными небрежным почерком.

— Здесь написано, что настоящий мастер определяет степень обжарки по звуку, — читал он. — А рядом приписано: «враньё, по запаху».

Глава 3. Последние лепестки

Апрель пришёл так, как приходит всегда: за одну ночь. Вечером на кампусной аллее ещё стояли голые ветви, а к утру над ней повисло розовое облако, и тротуар под окнами нашего дома уже был усыпан лепестками. Два года назад мы стояли в пустой квартире и спорили, куда повесить полку. Теперь полка висела там, где настоял Теруо, и о споре никто уже не вспоминал.

Когда я вышла на кухню, Теруо стоял у гладильной доски. Рубашка под утюгом была уже безупречной, и он водил по ней в третий раз — так, будто разглаживал не ткань, а что-то внутри себя.

— Она идеальная, — сказала я, наливая себе чай.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Он выключил утюг и несколько секунд смотрел на бейдж, лежавший на доске. Чёрные буквы на белом: «НАСТАВНИК».

— Огава заказала в типографии, — сказал он. — Это как табличка «спрашивайте меня, я знаю». А я не знаю.

— Знаешь. Просто не любишь, когда на тебя смотрят.

— Это одно и то же. Когда на тебя смотрят, сразу выясняется, что ты не знаешь.

Я взяла рубашку с доски, подождала, пока он наденет её,

и поправила воротник. Воротник лёг ровно с первого раза. Ладонь я задержала на его груди чуть дольше, чем требовалось: сердце под ней билось быстрее, чем бывает у человека, который «просто идёт на ярмарку».

— Ты справишься, — сказала я.

— Ты говоришь это всем.

— Я говорю это только тем, кто уже справляется.

Он дёрнул уголком рта — одним, редким — и повесил бейдж на шею, как медаль, о которой не просил.

В кафе я оказалась к десяти. Первый час съели поставщики и график, потом я наполнила два термоса: в этом году клуб решил, что студентам нужен нормальный кофе, а не растворимая пыль. Идея была моя, и я делала вид, что не горжусь.

Кэнта: «Термосы забрал. Кофе пахнет подозрительно хорошо для студенческого мероприятия»

Чико: «Ты идёшь смотреть, как Теруо работает приманкой для первокурсниц?»

Я: «Я иду в кафе. Улыбаться — его работа»

Чико: «Он не умеет улыбаться на публику. В этом весь секрет»

Токио. Университет Токай, аллея клубов

В первую неделю апреля главная аллея университета, от ворот до библиотеки, превращалась в ярмарку. Столы стояли вплотную, над ними трепетали плакаты и воздушные шары, самодельные таблички обещали «Кино по пятницам»,

«Джаз без экзаменов» и «Йогу для тех, кто не умеет». Пахло жареной лапшой из студенческих палаток и свежей краской: кто-то дорисовывал вывеску прямо на ходу. Первокурсники двигались по аллее густым потоком, и пиджаки на них были такие новые, что ещё хранили складки магазинной упаковки.

Стол бизнес-клуба стоял между кружком каллиграфии и ребятами, раздававшими блинчики. Над ним висел плакат «Свой бизнес — с первого курса», на столе лежали листовки, а рядом возвышались два термоса. Огава, которая с апреля руководила клубом, сидела за планшетом и считала. Хаяси выпустился в марте и уехал работать в логистическую компанию, оставив после себя ключ от клубной комнаты на связке у Терио и привычку присылать в общий чат фотографии своих обедов. Кэнта стоял чуть в стороне, в вязаном жилете поверх рубашки. С апреля он числился магистрантом, но по-прежнему считал клуб своим домом и снимал стол на телефон, обходя его с разных сторон.

Терио не садился ни разу за час, хотя стул стоял прямо за его спиной.

— Сорок минут, — сказала Огава, не отрываясь от экрана. — Двадцать три человека взяли листовку, двенадцать записались. Девять из них — девушки.

— Половина очереди пришла не за бизнесом, — заметил Кэнта, не опуская телефон.

— Конверсия есть конверсия.

Терио потёр шею и промолчал. Очередной первокурсник

протянул ему листовку и спросил, правда ли, что у клуба есть деньги на проекты. Теруо ответил, что деньги найти проще, чем людей, которые доведут дело до конца, и что клуб помогает именно с этим. Парень кивнул так, будто услышал что-то важное, и ушёл записываться к Огаве.

— Для архива клуба, — сказал Кэнта и сделал ещё один снимок.

Очередь редела. Те, кого привела любопытная толпа, расходились к другим столам, а те, кто пришёл всерьёз, постепенно собирались у края. Среди них стояла девушка, которая ждала дольше остальных. Невысокая, с прямой чёлкой и аккуратным каре, она держала в руках блокнот в твёрдой обложке, а пиджак на ней был такой новый, что рукава ещё не успели принять форму рук. Она подошла к столу, когда у него никого не осталось.

— Простите, — сказала она. — Это правда, что клуб разбирает идеи первокурсников? Или только слушает чужие?

— Разбирает, — ответила Огава. — Жёстко.

— Жёстко — это хорошо. — Девушка перевела взгляд на бейдж. — Ёкояма-сан? Вы отвечаете за первокурсников?

— Пока скорее учусь отвечать, — сказал Теруо. — Можно просто Теруо.

— Фудзимото Рина, первый курс, управленческий. — Она слегка поклонилась. — У меня есть идея, но я не уверена, что её вообще можно назвать бизнесом. Пока это только концепт, и я не знаю, с какого конца за него браться. К вам с

таким можно?

— Можно. С концептов мы как раз и начинаем. Готовую идею нужно только проверять, а концепт можно собирать вместе.

— А с чего лучше начинать? С презентации или с цифр?

— С вопроса. — Теруо помолчал. — Кому это нужно, кроме тебя.

Рина открыла блокнот и записала это слово в слово. Она писала быстро, не глядя на руку, и Теруо заметил, что почерк у неё ровный, почти печатный. На столе рядом с листовками завибрировал его телефон. Экран засветился, и на секунду на нём стало видно сообщение: «Юи: Живой? Кэнта хвастался, что очередь до фонтана». Рина подняла глаза от блокнота. Её взгляд задержался на экране ровно на столько, сколько нужно, чтобы прочитать, а потом вернулся к Теруо.

Он перевернул телефон экраном вниз. В этом движении не было спешки, только привычка.

— Вы давно в клубе? — спросила Рина.

— Третий год. С самого поступления.

— А вас кто-то вёл? Когда вы только пришли?

— Вёл Кэнта. — Теруо кивнул в сторону, и Кэнта, услышав своё имя, помахал рукой с телефоном. — Я тогда заблудился в корпусах и опоздал на первую лекцию. Не тот корпус, не тот этаж.

— Я вчера полчаса искала нужный выход из метро, — сказала Рина и чуть улыбнулась, впервые за весь разговор. —

Приехала на прошлой неделе из Канадзавы. Всё ещё учусь отличать одну синюю линию от другой.

— Они все синие.

— Вот именно.

Теруо рассмеялся. Коротко, почти беззвучно, но Огава подняла голову от планшета и посмотрела на него так, как смотрят на человека, которого давно не видели смеющимся при посторонних.

— Можно я напишу вам лично, если появятся вопросы?

— спросила Рина.

— Лучше в общий чат клуба. Там ответят быстрее, чем я.

— Конечно. Так логичнее.

Она поклонилась ещё раз, уже ниже, поблагодарила Огаву за листовку и отошла от стола. У края аллеи, там, где толпа редела, Рина остановилась, открыла блокнот и перечитала записанное. Потом оглянулась на стол. Теруо уже наливал кофе следующему первокурснику и не заметил её взгляда. Она убрала блокнот в сумку, на которой болтался потёртый деревянный брелок, и растворилась в потоке пиджаков.

— Толковая, — сказал Кэнта, наконец опустив телефон.

— Из неё выйдет толк, — согласилась Огава. — Хороший вопрос про цифры.

Теруо взял со стола перевёрнутый телефон, прочитал сообщение и улыбнулся. Этого не заметил почти никто, кроме Огавы, которая записала в планшете что-то короткое и ничего не сказала.

К обеду очередь на ярмарке рассосалась, а в кафе схлынул утренний поток. Я сидела за стойкой у окна с планшетом и таблицей заказов, когда телефон дрогнул.

Кэнта: «Ваш наставник при исполнении. Для архива»

Фотография была снята с высокой точки. Теруо стоял у стола с бейджем на груди, наклонившись к кому-то, кого в кадр не поместилось, и слушал с тем выражением, которое я знала лучше любого другого: сосредоточенным, спокойным, почти серьёзным. За его спиной висел плакат клуба. А перед с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.